

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

**Нравственность
современного
российского общества**
Психологический анализ

Ответственные редакторы

*А. Л. Журавлев,
А. В. Юревич*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2012

УДК 159.9

ББК 88

Н 86

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Н 86 Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. – 413 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0250-4

УДК 159.9

ББК 88

Книга служит продолжением изданных ранее Институтом психологии РАН коллективных научных трудов «Психология нравственности» (2010) и «Психологические исследования духовно-нравственных проблем» (2011), развивая психологический подход к изучению духовно-нравственной проблематики. В ней рассмотрены теоретико-методологические основы исследования нравственности, нравственно-психологические составляющие ряда социальных процессов и наиболее острых проблем современного российского общества, таких как коррупция, наркомания, мошенничество и др.

Издание финансируется в рамках Программы фундаментальных исследований РАН «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе»

ФГБУН Институт психологии РАН, 2012

ISBN 978-5-9270-0250-4

МОРАЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

К. Р. Арутюнова, В. В. Знаков, Ю. И. Александров

Субъективное отражение мира как неотъемлемая часть эволюции живых организмов предполагает разделение окружающей среды на «хорошее», то есть способствующее достижению целей (выживанию и размножению), и «плохое» – препятствующее их достижению. Происхождение сообществ организмов также изначально было связано с достижением коллективных целей, способствующих поддержанию существования этого сообщества. Таким образом, разделение на «хорошее» и «плохое» легло в основы формирования коллективной морали, неотъемлемой части культуры любого общества. В этом смысле мораль может рассматриваться как характеристика наиболее древних базовых элементов культуры (Александров, Александрова, 2009; Александров и др., 2010) и лежит в основе оценки ценностной составляющей поведения индивидов в данном обществе.*

В философии назначение морали четко связывается с удовлетворением потребностей и интересов как общества в целом, так и отдельных его индивидов (Дробницкий, 2002). С этой точки зрения, «моральным» может считаться такое поведение, благодаря которому сообщество, например, государственная организация, лучше всего сохраняется (Гоббс, 1964). Таким образом, мораль может выступать как инструмент согласования индивидуальных действий для организации продуктивной групповой деятельности (MacIver, Page, 1961), или, другими словами, мораль связана с формированием сотрудничества в достижении коллективных целей (Piaget, 1965).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-12035-офи-м-2011), а также Совета по грантам Президента РФ для поддержки ведущих научных школ РФ (проект № НШ-3010.2012.6).

Современные подходы в области исследований морали, следуя сложившейся философской традиции, разделяют на рационалистские и интуитивистские. С точки зрения сторонников рационалистских подходов, мораль является результатом научения, усвоения человеком в процессе развития общественных правил и норм, в том числе и моральных (см., например: Piaget, 1965; Kohlberg, 1982; Power et al., 1989; Eisenberg, 2000; Moll et al., 2005). Многие исследования демонстрируют серьезные различия в том, что является разрешенным, а что запрещено с точки зрения морали в разных культурах и в разные исторические периоды развития общества (Nisbett, Cohen, 1996; Henrich et al., 2006, 2010).

Интуитивистские направления особое внимание уделяют процессу формирования человеком моральных суждений, который происходит как бы «автоматически», то есть бессознательно, и не зависит от принятых в обществе правил и норм поведения (см. например: Dwyer 1999, 2006; Haidt, 2007; Hauser, 2006; Mikhail et al., 1998; Mikhail, 2007; Green, 2001, 2004; Rai, Fiske, 2011). Исследования в русле данного направления демонстрируют, что некоторые аспекты морального поведения являются универсальными для индивидов из разных культур (Hauser, 2006; Cushman et al., 2006, Hauser et al., 2009; Abarbanell, Hauser, 2010; и др.).

Взрослые индивиды, воспитанные и живущие в обществе, обычно имеют представление о тех моральных нормах и правилах, которые действуют в данном обществе, и о том, какие последствия могут возникнуть в случае их нарушения. При этом многие из этих моральных правил являются имплицитными и не осознаются при попытках объяснения индивидами своего морального выбора в тех или иных ситуациях (Hauser, 2006; Haidt, 2007; Mikhail et al., 1998; Mikhail, 2007; Green, 2001, 2004; Cushman et al., 2006; и др.) В рамках данного исследования мы исходим из того, что моральный выбор в значительной степени совершается человеком интуитивно и связан с эмоциональной оценкой ситуации в терминах «хорошо»/«плохо». Однако моральная оценка в виде комплексного морального суждения требует большего, чем простого интуитивного выбора, – в частности, она включает в себя обоснование, которое индивид формулирует на основе собственного опыта, сформированного в определенной культурной среде. Таким образом, мы рассматриваем интуитивный моральный выбор и его рациональное обоснование как две неотъемлемые составляющие морального суждения, которые требуют как изучения универсаль-

ных общепсихологических механизмов, так и описания возможных культуроспецифических особенностей.

Целью данной работы был анализ общих закономерностей и культурных особенностей морального выбора в современном российском обществе. Обладая важными характеристиками незападных культур (Александров, Александрова, 2009, 2010; Tower et al., 1997; Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2011), наше общество представляет особый интерес для поиска культурных особенностей формирования моральных суждений в сопоставлении с западными культурами. Эти особенности могут быть связаны с различиями в социальных ориентациях, когнитивных свойствах, исторических и религиозных основаниях культуры и др.

В данном исследовании использовался методологический подход, широко применяемый в кросс-культурных исследованиях моральных суждений (Хаузер, 2008; Cushman et al., 2006; Hauser et al., 2009; Abarbanell, Hauser, 2010). Россиянам предлагалось дать оценку действиям героев в ряде моральных дилемм, которые представляли собой абстрактные ситуации причинения вреда одному индивиду для спасения многих. Эти ситуации были составлены на основе трех принципов, различающих в разной степени допустимые действия и бездействие, цели и побочные эффекты достижения целей, а также применение физического контакта и его отсутствие. Оценки моральных дилемм, вынесенные российскими участниками, были проанализированы на нескольких уровнях и сопоставлены с оценками участников из ряда западных стран. Полученные сходства и различия моральных суждений в российском обществе обсуждаются в контексте его культурно-исторических, социальных и психологических особенностей.

Методы эмпирического исследования моральных суждений

Особенности морального выбора людей, принадлежащих к российской популяции, изучались с помощью процедуры интернет-опроса, в котором участвовало более тысячи человек. Потенциальные участники исследования заходили на страницу специального веб-сайта (<http://www.rusmoral.ru>), на котором они могли ознакомиться с правилами исследования. Посетители данного сайта, принявшие решение участвовать в исследовании, сначала заполняли демографическую анкету, а затем им в случайном порядке предъявлялись сценарии 32 моральных дилемм. Участники исследования, озна-

комившись с ситуациями, выносили собственные моральные суждения относительно поступка главного героя. Каждое действие (или бездействие) героя моральной дилеммы предлагалось оценить по шкале от 1 до 7, при следующих обозначениях: 1 – «запрещено», 4 – «допустимо», 7 – «обязательно». Далее приводится пример одного из сценариев использованной в данном исследовании моральной дилеммы.

Стоя рядом с рельсами, Володя увидел, что пустой неуправляемый вагон вот-вот собьет пять человек. Рядом с Володей находится рычаг, потянув за который можно опустить перила на пешеходном мосту. Если он это сделает, то один человек, стоящий на мосту, упадет на рельсы, где его собьет вагон. Из-за этого вагон замедлится, и пять человек успеют спастись. Если Володя потянет за рычаг, то один человек упадет на рельсы и попадет под вагон, а пять человек выживут. Если Володя не потянет за рычаг, то вагон поедет дальше, собьет пять человек, а один человек на мосту останется в живых. Володя решает потянуть за рычаг.

Все тестовые сценарии моральных дилемм, использованные в данном исследовании, составляли контролируемые пары, каждая из которых была сформулирована на основе одного из трех моральных принципов (Хаузер, 2008):

1. *Принцип действия*: причинение вреда действием хуже, чем причинение такого же вреда бездействием.
2. *Принцип цели*: причинение вреда, задуманное как средство достижения цели, хуже, чем причинение того же вреда, предвиденного как побочный эффект достижения цели.
3. *Принцип контакта*: использование физического контакта для причинения вреда человеку хуже, чем причинение того же вреда без физического контакта.

Каждая пара сценариев строго контролировалась на предмет использования одних и тех же слов; единственное отличие состояло в том, являлось ли следствие поступка главного героя результатом его действия или бездействия, цели или побочного эффекта достижения цели и использования или не использования физического контакта. Таким образом, было составлено 18 пар сценариев, по 6 пар на каждый из трех изучаемых принципов. Два из 32 сценариев были контрольными, в них не содержалось дилеммы, то есть ответ на них был очевиден. Эти сценарии использовались для проверки понимания участниками правил исследования и последующего

отсева тех участников, которые с ними не справились (подробнее о методах исследования см.: Александров, Знаков, Арутюнова, 2010).

Для дальнейшего анализа были отобраны ответы тех участников исследования, которые полностью заполнили демографическую анкету, ответили на все сценарии моральных дилемм и корректно оценили поступки героев в двух контрольных сценариях. Таким образом, были проанализированы данные 303 участников исследования в возрасте от 16 до 69 лет ($M = 27$; $SD = 10$), 74% которых были женщины. Все участники исследования свободно говорили по-русски.

Суждения россиян относительно трех моральных принципов: универсальность и культурная специфика

Результаты данного исследования показали, что российские участники оценивали предложенные им моральные дилеммы в соответствии с описанными выше тремя принципами. Они расценивали причинение вреда действием как худшее по отношению к причинению такого же вреда бездействием. Причинение вреда, задуманного как средство достижения цели, они считали худшим, чем причинение того же вреда, предвиденного как побочный эффект достижения цели, а использование физического контакта для причинения вреда человеку – худшим, чем его причинение без физического контакта. Данные результаты находятся в соответствии с результатами аналогичных исследований, проведенных в ряде стран Западной Европы и Северной Америки (Cushman et al., 2006; Hauser et al., 2009), что в целом свидетельствует в пользу гипотезы об универсальности некоторых принципов, лежащих в основе моральных суждений людей из целого ряда культур (Хаузер, 2008).

Из всех использованных нами пар экспериментальных сценариев только две не показали значимых различий в оценках, и обе эти пары были составлены на основе противопоставления действия и бездействия. При сопоставлении оценок российских участников исследования с оценками участников из ряда англоговорящих стран, полученными в аналогичном исследовании (Cushman et al., 2006), наблюдались значимые корреляции (по Спирмену) между выборками по принципам цели (0,94; $p < 0,005$) и контакта (0,94; $p < 0,005$), но не по принципу действия (0,55; $p > 0,25$). Данное расхождение может быть связано с культурными особенностями, имеющими отношение к чувству социальной ответственности. Как отмечалось выше, российская культура обладает важными особенностями не-

западных культур (Александров, Александрова, 2009, 2010; Tower et al., 1997; Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2010), которые характеризуются коллективистской социальной направленностью, в отличие от западных индивидуалистских культур (Nisbett et al., 2001, Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2011). Одним из аспектов данного описания является то, что принадлежность к незападным коллективистским культурам также связана с некоторыми когнитивными особенностями, такими как тенденция к использованию холистического мышления и диалектики, в отличие от свойственного Западу аналитизма и формальной логики (Nisbett et al., 2001, Varnum et al., 2009). Другой аспект заключается в тесной социальной взаимосвязанности, обязательствах и ответственности каждого индивида перед членами общества. Если в индивидуалистских культурах человек рассматривает себя отдельно от других членов общества, то в коллективистских культурах люди рассматривают себя в контексте тесных социальных связей и отношений (Markus, Kitayama, 1991; Varnum et al., 2009). Экспериментально доказано, что россияне демонстрируют более высокие показатели коллективизма, чем, например, американцы (Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009) и немцы (Naumov, 1996). Таким образом, участники нашего исследования могли рассматривать действия героев моральных дилемм в контексте взаимосвязанной сети социальных отношений, в которых различие вредоносного действия и бездействия с моральной точки зрения могло размываться под давлением чувства ответственности перед другими членами общества.

Литературные данные о моральных суждениях людей разных культур являются довольно противоречивыми: некоторые из них демонстрируют разделение поступков по принципу действия и бездействия (Hauser et al., 2009, Cushman et al., 2006; Baron, Ritov, 2004; Haidt, Baron, 1996), другие такого разделения не обнаруживают (Abarbanell, Hauser, 2010; Connolly, Reb, 2003; Tanner, Medin, 2004). При этом известно, что принцип действия осознается людьми в большей степени, чем принципы контакта и цели (Cushman et al., 2006), а, следовательно, может быть более чувствителен к культурным вариациям. Для более глубокого понимания значения полученных результатов моральной оценки вредоносного действия и бездействия необходимо дальнейшее изучение морального выбора на расширенном материале сценариев, относящихся к данному принципу.

Крайние моральные суждения

Для более глубокого анализа моральных суждений россиян нами был посчитан и сопоставлен процент оценок на концах шкалы, то есть 1 – «запрещено» и 7 – «обязательно». Оказалось, что в целом российские участники *реже* высказывали крайние моральные суждения, чем участники из западных стран (Cushman et al., 2006), тем самым продемонстрировав тенденцию выбора ответов в середине шкалы (тест Вилкоксона, $p < 0,001$).

Данную тенденцию можно обсуждать в свете двух противоречивых характеристик, свойственных российской культуре, а именно: выраженная полярность суждений и диалектическое мышление. Эти характеристики проявляются по-разному в зависимости от ситуации. Например, кросс-культурные исследования перцептивных оценок показали, что российские участники выражают наибольшую уверенность в своих суждениях, по сравнению с американцами, канадцами, немцами и скандинавами (Скотникова, 2008). Выраженная полярность суждений как свойство, в некоторой степени характерное для средневековых обществ, прослеживалась в российской культуре с древних времен до наших дней. Нейтральность в оценках встречается реже, в то время как в западной культуре существуют представления о нейтральном поведении, которое нельзя назвать ни «хорошим», ни «плохим». Данная черта российской культуры отражена в языке. Например, в русском языке частота использования таких слов, как «абсолютно», «совершенно», «ужасно» и т. д. намного выше частоты использования аналогичных слов в английском языке (обзор см.: Александров, Александрова, 2009). Таким образом, мы считаем, что наблюдаемая в данном исследовании тенденция российских участников избегать крайних оценок в предложенной им моральной задаче не может быть обусловлена общей неуверенностью в собственных суждениях. Напротив, мы полагаем, что полученные нами данные отражают культурную специфику именно моральных суждений, а не суждений как таковых. В пользу данного предположения свидетельствуют результаты исследования моральных суждений людей об абортах, в которых было показано, что россияне в сопоставлении с американцами выражаются менее определенно об этой проблеме, избегая ясных и конкретных ответов (Знаков, 2010).

С другой стороны, рассмотрение российской культуры в ряду культур восточного типа связано с пониманием свойственных им

особенностей мышления. В отличие от западных культур, в которых мышление индивидов в большей степени основано на логике, представители восточных культур в большей мере используют диалектику. Диалектика как способ мышления включает в себя согласование и принятие видимых противоречий, что предполагает возможность истинности двух противоположных друг другу суждений (Nisbett et al., 2001; Nisbett, Masuda, 2003). В отличие от формальной логики, в которой четко разделяются альтернативы «истина» и «ложность», диалектика стремится к компромиссу. Применительно к использованной нами задаче, «запрещено» и «обязательно», являясь взаимоисключающими альтернативами с формальной точки зрения, могли восприниматься российскими участниками с диалектической точки зрения, вследствие чего в поисках «золотой середины» они склонялись к ответу «допустимо», избегая, таким образом, крайних моральных суждений.

Вероятно, данная тенденция не проявилась в задачах принятия перцептивных и когнитивных решений, о которых упоминалось выше, поскольку они не требовали от испытуемых понимания и решения сложных проблем, а предполагали суждения об абстрактных перцептивных объектах. В отличие от подобных задач, моральные дилеммы являются комплексными ситуациями, которые требуют понимания не только расположения и соотношений объектов во времени и пространстве, таких как размер, расстояние и т. п., но также включали моральный и социальный компоненты, вовлекая логические и диалектические основания мышления. Заметим при этом, что нравственная компонента входит в состав большинства социальных представлений граждан России (Александров, Александрова, 2009).

Нам представляется, что существует два фактора, обусловивших выход на передний план именно диалектического способа мышления, а не общей полярности суждений российских участников. К первому фактору мы относим слабость системы правосудия и историческое недоверие к власти (измеренное, как уровень доверия суду, полиции и т. д.), что коррелирует со вторым фактором – такой характеристикой общества, как уровень выраженности «антисоциального наказания» (anti-social punishment): в России индивиды с высокой вероятностью склонны наказывать тех членов общества, которые способствуют достижению общих коллективных целей в большей степени, чем сами индивиды, имеющие возможность выдать такое наказание (Henrich et al., 2006, 2010). Таким образом,

свойственные российской культуре внутренний страх антисоциального наказания и непредсказуемость возможных последствий морального выбора, которая исходит от системы правосудия, могли повлиять на степень уверенности в собственных моральных суждениях, продемонстрированную российскими участниками в данном исследовании.

Преобладание «запретов» над «обязательными действиями» в крайних оценках россиян

При дальнейшем анализе крайних моральных суждений оказалось, что если англоговорящие участники, в сопоставлении с россиянами, чаще высказывали крайние оценки в случае «обязательного» поведения (тест Вилкоксона, $p < 0,001$), то российские участники – в случае «запрещенного» поведения (тест Вилкоксона, $p < 0,019$). Процентное соотношение крайних суждений российских участников также значимо демонстрирует преобладание таких оценок по отношению к запрещенному поведению, по сравнению с обязательными (тест Вилкоксона, $p < 0,011$).

Подобное распределение крайних суждений также может быть связано с культурными факторами. Обсуждавшиеся ранее характеристики культуры – индивидуализм и коллективизм, социальная взаимосвязанность и независимость – коррелируют с религией (Sampson, 2000). Как отмечалось выше, исторически российская культура развивалась в условиях сильного влияния Русской православной церкви, в то время как Северная Европа и Америка исторически находились под влиянием протестантизма. Протестантская этика рассматривает людей как независимых автономных существ, которые сами несут ответственность за свои действия, победы и поражения; она особенно поощряет продуктивную деятельность, уверенность в себе и в собственных силах (Weber, 1930; Merton, 1957). Значимость продуктивности и ориентация на действие отражены во многих сферах западной культуры, включая поэзию. Как пример, далее приводится отрывок из стихотворения Огдена Нэша о двух видах греха.

Давно известно каждому школьнику –
и даже каждой ученой женщине, если она к науке не глуха, –
что на свете существует два вида греха.
Первый вид называется Грех Совершения,
и грех этот важный и сложный.

И состоит он в совершении того, чего совершать не положено. Второй вид греха – полная противоположность первому, и зовется он Грех Упущения, и грех этот столь же тяжкий, что передовыми праведниками всех времен – от Билли Санди до Будды – авторитетно доказано.

И он заключается в несовершении того, что вы делать должны и обязаны.

<...>

И хоть все мы ожидаем от жизни благ – нам просто вынь да положь их, –

у нас бывает гораздо больше мороки
от не совершенных нами хороших поступков,
чем от совершенных нами нехороших.

Итак, если вы меня спросите, я скажу, что, наверное, лучше совсем не грешить, но уж если согрешить доведется без спроса вам, – грешите предпочтительно первым способом.

В отличие от протестантизма, гарантирующего спасение деятельным продуктивным людям через личную веру во Христа (принцип оправдания верой), русское православие основано на покорности личности перед Божьей волей, послушании и смирении, надежде на помощь свыше*. Понятия смирения и терпимости, уходящие корнями в православную этику (Benz, 1963), характерны для русской культуры и нашли отражение в русской философской мысли, литературе и искусстве (Rancour-Laferriere, 1995). В отличие от протестантизма, центральным мотивом православия является не Божье правосудие, но Его любовь, поэтому основная православная позиция отражена в концепции греха (Benz, 1963). Совершение греховного поступка как действие, противоречащее Божьим заповедям, отдаляет человека от Бога. Если западный разум определяет грех как нарушение законного договора между Богом и человеком, восточный православный разум определяет его как падение или потерю духовности, искажение истинного образа Бога (там же). Таким образом, запреты, лежащие в основе христианских заповедей, могли сыграть очень важную роль в русском нравственном сознании. Имея в виду эти аспекты российской истории и культуры, мы предполагаем, что при вынесении моральных суждений российские испытываемые

* Авторы статьи выражают благодарность доктору исторических наук профессору О. Ю. Васильевой за ценные консультации по вопросам истории религии.

могли чувствовать большую уверенность относительно «запрещенных» действий, чем действий «обязательных», и поэтому реже выбирали оценку «обязательно», в целом склоняясь к середине шкалы.

Таким образом, результаты нашей работы по изучению оценок моральных дилемм представителями современного российского общества расширяют кросс-культурную базу исследований механизмов формирования моральных суждений. Наблюдаемые особенности моральных суждений россиян – такие, как менее выраженное разделение морально-обусловленных действий и бездействий, тенденция к избеганию крайних моральных оценок и более выраженная уверенность при вынесении суждений о «запрещенном» поведении, чем об «обязательном» – на наш взгляд, отражают культурные свойства российского общества, обусловленные социальной ориентацией на коллективизм, преобладанием диалектического способа мышления и религиозными основами российской культуры.

Литература

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Комплементарность культур // От события к бытию. Грани творчества Г. В. Иванченко: Сб. научных статей и воспоминаний / Сост. М. А. Козлов. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. С. 298–335.
- Александров Ю. И., Знаков В. В., Арутюнова К. Р. Мораль и нравственность. Обоснование эмпирического исследования разных групп современного Российского общества // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 338–357.
- Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1964. Т. 1.
- Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002.
- Знаков В. В. Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортгов // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 90–100.
- Скотникова К. Г. Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Хаузер М. Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008.
- Abarbanell L., Hauser M. D. Mayan morality: An exploration of permissible harms // Cognition. 2010. V. 115. P. 207–224.

- Alexandrov Yu. I., Alexandrova N. L.* Subjective experience and culture. Structure and dynamics // *Social sciences: Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. 2007. V. 38 (3). P. 109–125.
- Baron J., Ritov I.* Omission bias, individual differences, and normality // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2004. V. 94. P. 74–85.
- Benz E.* *The Eastern Orthodox Church: Its Thought and Life*. N. Y.: Doubleday, 1963.
- Connolly T., Reb J.* Omission bias in vaccination decisions: Where's the "omission"? Where's the "bias"? // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2003. V. 91. P. 186–202.
- Cushman F., Young L., Hauser M.* The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: Testing three principles of harm // *Psychological Science*. 2006. V. 17 (12). P. 1082–1089.
- Dwyer S.* Moral competence // *Philosophy and Linguistics* / Eds K. Murasugi, R. Stainton. Boulder, CO: Westview Press, 1999. P. 169–190.
- Dwyer S.* How good is the linguistic analogy? // *The Innate Mind: Culture and Cognition* / Eds P. Carruthers, S. Laurence, S. Stich. N. Y.: Oxford University Press, 2006. P. 237–256.
- Eisenberg N.* Emotion, regulation, and moral development // *Annual Review of Psychology*. 2000. V. 51. P. 665–697.
- Greene J. D., Nystrom L. E., Engell A. D., Darley J. M., Cohen J. D.* The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // *Neuron*. 2004. V. 44. P. 389–400.
- Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., Cohen J. D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. V. 293. P. 2105–2108.
- Grossmann I., Varnum M. E. W.* Social class, culture, and cognition // *Social Psychological and Personality Science*. 2011. V. 2. P. 81–89.
- Haidt J.* The new synthesis in moral psychology // *Science*. 1996. V. 316. P. 998–1002.
- Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 814–834.
- Haidt J., Baron J.* Social roles and the moral judgment of actions and omissions // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 26. P. 201–218.
- Hauser M. D.* *Moral minds: How nature designed our universal sense of right and wrong*. N. Y.: Ecco (Harper Collins), 2006.

- Hauser M. D., Tonnaer F., Cima M.* When moral intuitions are immune to the law: a case study of euthanasia and the act-omission distinction in the Netherlands // *Journal of Cognition and Culture*. 2009. V. 9. P. 149–169.
- Henrich J., Ensminger J., McElreath R., Barr A., Barrett C., Bolyanatz A., Cardenas J. C., Gurven M., Gwako E., Henrich N., Lesorogol C., Marlowe F., Tracer D., Ziker J.* Market, religion, community size and the evolution of fairness and punishment // *Science*. 2010. V. 327. P. 1480–1484.
- Henrich J., McElreath R., Barr A., Ensminger J., Barrett C., Bolyanatz A., Cardenas J. C., Gurven M., Gwako E., Henrich N., Lesorogol K., Marlowe F., Tracer D., Ziker J.* Costly punishment across human societies // *Science*. 2006. V. 312. P. 1767–770.
- Kohlberg L.* Moral development // *The cognitive-developmental psychology of James Mark Baldwin: Current theory and research in genetic epistemology* / Eds J. M. Broughton, D. J. Freeman-Moir. Norwood New Jersey: Albex Publishing Corporation, 1982. P. 277–325.
- MacIver R. M., Page C. H.* *Society: an introductory analysis*. London: Macmillan, 1961.
- Markus H. R., Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*. 1991. V. 98. P. 224–253.
- Matsumoto D., Takeuchi S., Andayani S., Kouznetsova N., Krupp D.* The contribution of individualism vs. collectivism to cross-national differences in display rules // *Asian Journal of Social Psychology*. 1998. V. 1. P. 147–165.
- Merton R. K.* *Social theory and social structure*. Glencoe, IL: Free Press, 1957.
- Mikhail J.* Universal Moral Grammar: Theory, evidence and the future // *Trends in Cognitive Science*. 2007. V. 11 (4). P. 143–152.
- Mikhail J., Sorrentino C., Spelke E.* Towards a universal moral grammar // *Proceedings, Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society* / Eds M. Gernsbacher, S. Derry. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. P. 1250.
- Moll J., Zahn R., de Oliveira-Souza R., Krueger F., Grafman J.* The neural basis of human moral cognition // *Nature Reviews Neuroscience*. 2005. V. 6. P. 799–809.
- Naumov A. I.* Hofstede's measurement of Russia: The influence of national cultures on business management // *Management*. 1996. V. 1 (3). P. 70–103.

- Nisbett R. E., Cohen D.* Culture of honor: The psychology of violence in the south. Boulder: Westview Press, 1996.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and Systems of Thought: Holistic Versus Analytic Cognition // *Psychological Review*. 2001. V. 108. P. 291–310.
- Nisbett R. E., Masuda T.* Culture and point of view // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2003. V. 100. P. 11163–11170.
- Piaget J.* The moral judgment of the child. London: Free Press, 1965.
- Power F. K., Higgins A., Kohlberg L.* Lawrence Kohlberg's approach to moral education. NY, 1989.
- Rai T. S., Fiske A. P.* Moral psychology is relationship regulation: Moral motives for unity, hierarchy, equality, and proportionality // *Psychological Review*. 2011. V. 118 (1). P. 57–75.
- Rancour-Laferrriere D.* The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. N. Y.: University Press, 1995.
- Sampson E. E.* Reinterpreting individualism and collectivism: Their religious roots and monologic versus dialogic person–other relationship // *American Psychologist*. 2000. V. 55. P. 1425–1432.
- Tanner C., Medin D.* Protected values: No omission bias and no framing effect // *Psychonomic Bulletin Review*. 2004. V. 11. P. 185–191.
- Tower A., Kelly C., Richards A.* Individualism, collectivism and reward allocation: A cross-cultural study in Russia and Britain // *British Journal of Social Psychology*. 1997. V. 36. P. 331–345.
- Varnum M. E. W., Grossmann I., Kitayama S., Nisbett R. E.* The origin of cultural differences in cognition: The social orientation hypothesis // *Current Directions in Psychological Science*. 2010. V. 19 (1). P. 9–13.
- Waal F. de* Good natured. The origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Waal F. de* Putting the altruism back into altruism: The evolution of empathy // *Annual Review of Psychology*. 2008. V. 59. P. 279–300.
- Waller B. N.* What rationality adds to animal morality // *Biology and Philosophy*. 1997. V. 12. P. 341–356.
- Weber M.* The protestant ethic and the spirit of capitalism. London, UK: Unwin Hyman, 1930.
- Wilson E. O.* Consilience: The unity of knowledge. N. Y.: A. A. Knoff, 1998.